

4/01/90

Малежик Вяч.

АВТОПОРТРЕТ

Май 1990. — Известие

ВЯЧЕСЛАВ МАЛЕЖИК

ИЗВЕСТНЫЙ

И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Думаю, что Вячеслав Малежик входит сейчас в первую пятерку эстрадных певцов. Как правило, он пёт те песни, которые сочиняет сам. Они современны, но в мелодиях явственно ощущаются давние традиции русского городского фольклора.

— Ваше искусство — приятное, доброе. Вы сознательно уходите и уводите зрителя от тягот нашего бытия или такого сценического образа сложился стихийно?

— Все мы от наших неурядиц устали. Хотим — я это без иронии говорю — красивой жизни. Я и стараюсь создать на сцене ее образ. По-моему, артисты должны хоть на время избавлять людей от стрессов. Я никогда не считал низкой роль «навевателя сна золотого». И публику свою я люблю. Никогда не отзовусь о ней уничижительно, хотя прекрасно понимаю, что есть в зале и такие, кого интеллектуалом не назовешь.

Зритель приходит на мой концерт с совершенно четкой внутренней установкой — отдохнуть. Мой «образ» уже сформирован радио и телевидением в сознании людей. Они хотят видеть того Малежика, которого признали. Ведь человек, наливая в чашку чай, будет разочарован, увидев в ней кофе. На недавнем концерте в Колонном зале, на устном выпуске вашей газеты, я «выдал» целую серию новых песен в стиле русских плачей. И что же? Зрители начали кричать: «Провинциалку! давай! Старую, испытannую, полюбившуюся...

Что ж, надо признать: я долгие годы писал в сущности одну и ту же песню. Не хочу равнять себя с самыми знаменитыми, но и супергруппа «Роллинг стоунз» до сих пор играет созданное в шестидесятие годы, а если и новое, то в том же стиле. И все еще — звездная! Но я не считаю, что мои песни беспроblemны. Просто это беды человеческой души, существующие как бы вне социума. Но понятно же, что все в мире взаимосвязано. Разве любовь, например, — не социальная проблема, если столько женщин одиноки?.. А неудовлетворенность жизнью разве не выливается в борьбу за то, чтобы она стала лучше? Не уйти ни от борьбы, ни от политики ни артисту, ни публике. Только я, наверное, стараюсь говорить об этом мягко, без малейшего налета агрессивности (столь свойственной современной политики).

— И у вас никогда не возникало желания вырваться за пределы наработанного образа?

— Любой артист все-таки всегда следует (а иначе ему и нельзя) принципу Станиславского: «не переставать удивлять». Разумеется, это надо делать не бездумно. Ну представьте себе, что я вдруг спою про девочонку, которую жду в подъезде. Конечно, все удивятся: о чём это поет дядька, которому за сорок? И не поверят. Удивлять надо так, чтобы зритель артиста верил. Надеюсь, что новая пластинка непривычного для публики Малежика, не оттолкнет от меня слушателей. Диск называется «Птицы». Я бы сказал, что это будут веселые песни с грустными глазами. Мы, к счастью, не потеряли еще способность смеяться — при всех наших бедах.

Скорее всего неизвестный Малежик все-таки станет продолжением известного. Мне бы хотелось так думать. Может быть, зрители поймут, что я не могу остаться в стороне от острой политической ситуации, сложившейся сейчас у нас в стране. Не могу не внести свой вклад в ее разрешение. Не сочтите это за самонадеянность: я действительно считаю, что песня обладает такой силой. Меня, к примеру, очень «зашепили» трагические события в Тбилиси и Баку, что-то сдвинулось во мне. И за несколько месяцев я написал 20 новых песен — условно говоря, «нового Малежика». Но «мир» не запускаю.

— Я нес-что из них прослушала сейчас. Это прекрасные песни. Зачем же держать их под спудом? Сомневаетесь в успехе?

— Нет, причина куда прозаичнее. Недавно вышла пластинка старых полюбившихся публике и создавших мне репутацию

тацию песен. Я не могу «убить» их новыми. К тому же новые надо «запускать» по одной, ибо только одна сразу становится любимой. Извините, издержки нашей профессии.

— И много таких издержек?

— Увы... Чаще они — субъективного порядка. Но вот что меня беспокоит более всего, так это резкое падение авторитета нашей профессии. По вине некоторых ее представителей. О выступлениях под фонограмму уж много говорилось. А сейчас еще одна нелепость: выступление под чужую фонограмму. Этакие новоявленные «дети лейтенанта Шмидта». Лично я просто немею от такой наглости.

Авторитет артиста во многом подорван и спекуляцией на острых, высоких темах: любви к Богу, к России. Любовьстыдлива, а о ней порой кричат. Понимаю: артистами, спекулирующими на высоких чувствах, движет естественная конкурентная борьба. Но не надо, надея сицевую рубаху, падать на колени, носить крест не на теле, а поверх этой рубахи — чтобы было виднее. «Сокровенное ношу в себе и отдаю людям в той мере, которую сам считаю возможной».

— Сейчас в народе часто с осуждением говорят о немыслимых гонорарах эстрадных артистов. Как вы к этому относитесь?

— При общей нищете нашего народа такое отношение вполне закономерно. Тем более на фоне не слишком утружающих себя артистов эстрады (только глупец может думать, что артист не отличает пение под фонограмму от «живого» исполнения или что пластигат не станет рано или поздно достоянием гласности). Однако мы идем к рынку и должны понять: высок заработок у тех, на чью продукцию высок спрос. Многие мои коллеги столько зарабатывают, что могли бы до конца своих дней уже не работать. Но работают — потому что нельзя, нелепо артисту быть ранье. К тому же верят в профессиональную честь. Хотя, как ни горько признать, в представлении многих понятие профессиональной чести стало чуть ли не анахронизмом. Вакханалия больших заработка привела в наше искусство много людей предпримчивых, но непрофессиональных, а то и просто бездарных.

— Слава, были в вашей жизни курьезы?

— И еще какие! Однажды на гастролях в Благовещенске у меня украли пальто и шапку. Ну, думаю, ладно, если суждено в этот день испытать неудачу, так она уже позади. Но что вы думаете? Вечером выхожу на сцену — на меня падает софит. Не шагну я чуть-чуть в сторону, он проломил бы мне череп. На этом цепочка неприятностей не кончилась. Выдали мне бушлат, чтобы не мерз. На следующий день, в Хабаровске, в интуристовской гостинице меня приняли за бича и крепко нахамили. Подтвердилась старая русская пословица: «Встречают по одежке». Мне стало очень тоскливо. И стыдно. От бессилия — перед хамством и низкопоклонством — перед одеждой, перед чином. И еще раз ощутил: ох, курьезы наши далеко не так курьезны.

— Как вы предпочитаете отдохнуть?

— А я не умею отдыхать. Даже когда чувствую себя загнанной лошадью, которую надо бы пристрелить. Но если нечего делать, если никто не звонит, не зовет поработать, — думаю: никому не нужен...

— И последний вопрос. Вы довольны жизнью?

— Если бы ответил «нет», сфальшивил бы. Мне комфортно в моем микромире. У меня хорошая семья, я одет, обут, меня не предают друзья... Но мне больно, обидно за моих сограждан, которые заслуживают лучшей доли. Просто мне больше повезло...

Беседу вели
Е. БЕЛОСТОЦКАЯ